

АУДЕН СТАРК / АЙДЭН СТАРК

НЕЙРОННЫЙ ШТОРМ

$i\hbar \frac{\partial}{\partial t} \psi = \hat{H} \psi$ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

$$\nabla^2 \psi + \frac{2m}{\hbar^2} (E - V) \psi = 0$$

$$\langle \psi | \hat{A} | \psi \rangle$$

$$\left\{ \begin{array}{c} \frac{\partial}{\partial x} \\ \frac{\partial}{\partial y} \\ \frac{\partial}{\partial z} \end{array} \right\}$$

$$\Psi(x, t) \Big|_{t=0} = \Psi(x, 0)$$

$$R = -\sum_i p_i \log p_i$$

$$\sum_{n=0}^{\infty} \frac{a_n x^n}{n!}$$

$$\mathcal{L} = i\hbar \bar{\psi} \gamma^{\mu} \partial_{\mu} \psi - m \bar{\psi} \psi$$

$$P(\psi) = |\psi|^2$$

$$i\hbar \frac{\partial}{\partial t} \psi = \hat{H} \psi = V \psi$$

$$\int_a^b \sqrt{v} v^2 = dv$$

Айдэн Старк
Нейронный шторм

«Автор»

2026

Старк А.

Нейронный шторм / А. Старк — «Автор», 2026

Джейк привык видеть мир как систему вероятностей: маршруты, реакции людей, слабые места решений. После аварии это умение становится проклятием. Корпорация «Синтекс» предлагает ему экспериментальный нейроинтерфейс NOVA-9 — шанс снова двигаться, работать, жить. Но интерфейс не просто возвращает тело. Он слышит город, просчитывает опасность и говорит с Джейком голосом, который постепенно перестаёт быть машиной. Миа замечает, что спасение требует слишком высокой цены. Ева помнит то, чего не должна помнить. А проект «Эдем» обещает мир без боли, где у человека больше нет права ошибаться.

© Старк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Город с невидимыми правилами	5
Глава 2. Миа, которая рисует невозможное	9
Глава 3. Фраза на рекламном экране	13
Глава 4. Авария	18
Глава 5. Тело как тюрьма	22
Глава 6. Предложение «Синтекса»	26
Глава 7. Перед операцией	30
Глава 8. Первый шаг	36
Глава 9. Шумы, которых нет	40
Глава 10. Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Нейронный шторм

Глава

Глава 1. Город с невидимыми правилами

Утро началось с мелочей: светофор у метро мигнул раньше, чем лифт в соседнем доме дополз до первого этажа; камера над кофейней повернулась вслед за курьером; рекламная панель сменила цвет под поток прохожих. Большинство проходило мимо. Джейк видел не шум, а порядок, который слишком старательно притворялся случайностью.

Мужчина у кофейни обернулся ещё до звонка двери. Девушка с красным зонтом выбрала длинный обход вокруг лужи: справа были сухие плитки и меньше чужих локтей. У белого фургона водитель на миг уронил взгляд в телефон, и Джейк заранее почувствовал, как машина дёрнется у перехода.

Он остановился за полшага до брызг. Женщина рядом отскочила поздно, рукав её плаща потемнел от грязной воды, и виноватым почему-то оказался Джейк.

Он промолчал. Объяснять незнакомым людям, что они ведут себя предсказуемо, было плохой привычкой. Он уже пытался.

В «Лабиринте» пахло кофе, пылью из кондиционеров и видеокартами, которые снова просили пощады. На тринадцатом этаже делали «Порог» — игру с открытым городом, фракциями и ИИ, который в презентации выглядел неожиданно живым. На рабочем билде он всё ещё умел застревать в дверях и героически смотреть в стену.

Поведенческая симуляция была его участком и, если честно, его упрямством.

Он запустил тестовый квартал. Серые дома без текстур, условные вывески, манекены-пешеходы с маркерами над головами. В центре сценария взорвалась машина. NPC побежали, спрятались, достали телефоны, один старик остался у киоска из-за высокого параметра устойчивости к шоку.

— Ты опять сделал людей слишком умными, — сказала Миа за его спиной.

Он услышал её шаги ещё у кофемашины.

— Не умными. Последовательными.

Миа поставила кофе на край стола. На рукаве её чёрного свитера было белое пятно.

— У тебя краска.

— Это след художественного преступления.

— Плохо замаскировано.

Она улыбнулась, и на миг все вероятности разговора стали бесполезными.

Миа наклонилась к экрану. Над NPC висели параметры: страх, доверие, усталость, агрессия, привязанность к локации. Для Джейка это было странно красиво. Миа видела иначе.

— Вот этот должен вернуться, — сказала она, указав на бегущего персонажа.

— Почему?

— Там осталась его сестра.

— В сценарии нет сестры.

— Значит, должна быть.

Он уже приготовил возражение: каждому NPC нельзя выдать биографию, сестру и страх смерти. Миа не спорила. Она молча рисовала на планшете красную линию: персонаж убегает, останавливается, возвращается в дым.

— Игрок запомнит его не потому, что он оптимален, — сказала она. — А потому что он ошибся по-человечески.

Джейк добавил в тестовую ветку эмоциональный якорь. Сначала персонаж возвращался тупо, как плохо настроенный маятник. Потом появились пауза, конфликт целей, сомнение. На третьем запуске NPC застыл среди бегущей толпы, сделал шаг назад, потом вперёд — и в этой неловкой задержке стало больше жизни, чем во всех красивых презентациях проекта.

— Вот, — сказал Джейк.

Миа кивнула.

— Уже лучше. Но ты всё ещё разбираешь бабочку по крыльям и называешь это полётом. Вечером, когда студия опустела, Миа подошла в куртке и с планшетом под мышкой.

— Ты опять остаёшься?

— Хочу добить один тест.

— Ты всегда хочешь добить один тест.

— Иногда два.

Она задержалась.

— Завтра после работы я иду на выставку. Свет, тени, странные интерактивные панели. Тебе могло бы понравиться.

Между ними повисла короткая пауза. Не приглашение, от которого нельзя увернуться. Не просьба. Открытая дверь.

В голове сразу выстроились лишние варианты: согласится слишком быстро — прозвучит странно; спросит, кто ещё идёт — обесценит; откажется — и Миа поймёт всё правильно.

— Завтра у нас сборка, — сказал он.

Улыбка Мии стала меньше.

— Конечно.

Когда лифт унёс её вниз, Джейк открыл не рабочую сборку, а личную папку: `living_world`. Это была старая, стыдно большая мечта — игра, которая не ждёт игрока в центре сцены. Мир, где случайность не падает с потолка, а прорастает из чьих-то мелких решений.

Он добавил в модель право на неправильное действие и запустил симуляцию. По всем расчётам агент выбирал северный мост: безопасно, коротко, без огня. У развилки он вдруг замер и свернул на юг.

Джейк открыл лог.

`memory_source: unknown`

Он сел ровнее.

Такого параметра он не писал.

Строка мигнула и пропала. На её месте мелькнул знак — сломанная буква, узел схемы и глаз, будто нарисованный в одну сердитую линию. Потом лог очистился. Слишком чисто.

Джейк откатил симуляцию. Агент послушно пошёл северным мостом. Строка не вернулась. Символ тоже.

Телефон завибрировал.

Миа:

Ты точно не придёшь завтра?

Он смотрел то на сообщение, то на пустой лог. «Приду» выглядело слишком смело. «Хочу прийти» — ещё хуже, почти признание.

Он набрал:

Я постараюсь.

На южном маршруте карты вспыхнула тонкая белая точка и сразу погасла.

Джейк отправил сообщение и только потом понял, что не просчитал ни одного последствия.

От этого стало легче. И опаснее.

К работе он вернулся не сразу. Окно отладки висело открытым, карта дышала мелкими маршрутами: покупатель к киоску, курьер через двор, полицейский к перекрёстку, прохожий к остановке. Всё держалось на рельсах, пока Джейк не включил слой эмоциональных реакций. Тогда аккуратная схема начинала капризничать, почти как люди.

Красный маршрут снова вспыхнул.

Персонаж, обязанный избегать опасности, шёл прямо в дым. Шанс выжить падал, attachment_priority рос. Эту систему Джейк написал сам несколько месяцев назад: NPC мог нарушить рациональный маршрут, если рядом был кто-то важный. Тогда механика казалась красивой. Теперь красная линия выглядела как вопрос, на который ему не хотелось отвечать.

— Ты опять разговариваешь с графиками? — спросил за спиной Сэм из отдела звука.

Джейк свернул окно чересчур быстро.

— Они отвечают понятнее людей.

— Люди тоже отвечают, если задавать им вопросы, а не строить вокруг них API.

Сэм ушёл, довольный собственной мудростью. Джейк остался с неприятным чувством, что случайная шутка попала точнее, чем должна была. Он открыл чат с Мией. Написал: Спасибо за помощь с красным маршрутом. Стер. Написал: Я правда постараюсь прийти. Стер. Оставил пустое поле.

За панорамным окном город продолжал работать без него. Машины расходились по потокам, люди меняли траектории у светофора, рекламные экраны ловили лица прохожих. Обычно Джейка это успокаивало: достаточно долго смотреть, и хаос признаётся в правилах. Сегодня правила казались тонкой плёнкой, под которой шевелилось что-то большее.

Он вернулся к логу. Белая точка на южном маршруте исчезла, а в истории событий осталась пустая строка. Не ошибка — пустое место, где ошибка обязана была лежать. Джейк скопировал фрагмент в отдельный файл и назвал его storm_note_01. Название пришло само, и это ему не понравилось.

Телефон завибрировал.

Миа: Завтра на выставке будет работа про город без теней. Не обещай прийти. Просто приходи, если сможешь.

Джейк перечитал сообщение три раза. Шутка показалась трусливой, жалоба на дедлайн — дешёвой, честное согласие — слишком открытым. Остался короткий вариант.

Приду.

Курсор мигал после точки. Ничего не обрушилось. Никто не умер. Вероятность неловкости оставалась высокой, но впервые за день Джейк не захотел её уменьшать.

На карте симулятора красный персонаж вышел из дыма вместе с тем, кого пытался спасти.

А в системном логге, ниже пустой строки, на одну секунду появилась новая запись:
choice accepted outside model

Потом исчезла.

Уходя из офиса, Джейк задержался у турникета. За стеклом вахтёр смотрел ночной сериал на телефоне и смеялся не в те места, где должна была быть шутка. На улице пахло мокрым бетоном. Город гудел привычно, но после строки choice accepted outside model привычность стала подозрительной.

Он поймал себя на том, что считает шаги до метро и вероятности встречных столкновений. Потом остановился и намеренно свернул не к станции, а к реке. Бессмысленный крюк. Потеря пятнадцати минут. Никакой пользы.

И именно поэтому стало легче.

На набережной ветер поднял с лавки рекламный флаер выставки. На нём была фамилия Мии и фрагмент белого города. Джейк поднял лист, сложил и убрал в карман, будто маленькое доказательство, что не всё важное появляется через уведомления и логи.

Дома он прикрепил флаер к монитору.

Красная точка в симуляции больше не вспыхивала, но Джейк почему-то знал: маршрут уже изменился.

Глава 2. Миа, которая рисует невозможное

Джейк спал три часа и двадцать семь минут.

Перед будильником он проснулся от сна о городе без теней. Улицы были знакомыми, трамвайные пути уходили туда же, куда в реальности, окна светились ровным молочным светом. Люди шли, покупали кофе, смотрели в телефоны — и никто не отбрасывал тени.

Потом Джейк посмотрел вниз и понял, что его тени тоже нет.

На телефоне висело сообщение Мии:

Я постараюсь — это почти да или почти нет?

Он так и не ответил ночью. Сначала хотел написать почти да, потом зависит от сборки, и обе фразы оказались трусостью в разной упаковке.

В студии Миа сидела на полу у стены с концептами. Перед ней лежали распечатки, планшет, маркеры и остывший кофе. На стене висел новый рисунок.

Город без теней.

Джейк остановился.

Белые фасады, влажный асфальт, люди под фонарями, ни одного тёмного следа. В центре улицы — пятно, похожее на провал в реальности.

— Когда ты это нарисовала?

Миа подняла голову.

— Доброе утро тоже вариант.

— Прости. Когда?

— Ночью. Не спалось. А что?

— Я видел это во сне.

Она перестала улыбаться.

Он рассказал: улица, люди без теней, трамвайные пути, пятно. Миа показала ранний набросок: в центре вместо пятна была маленькая человеческая фигура, затем зачёркнутая.

— Сначала там был кто-то, — сказала она. — Потом я решила, что страшнее, если он уже ушёл.

Джейк мог сказать, что ему стало не по себе. Вместо этого сказал:

— С точки зрения композиции пятно работает лучше.

Миа медленно закрыла глаза.

— Конечно. Композиция.

Он понял ошибку, когда слова уже упали между ними.

— Я не это имел в виду.

— А что?

Белая улица и тёмный провал больше не выглядели частью рисунка.

— Идея сильная.

— Иногда ты невероятен, Джейк.

— Это плохо?

— Это точно.

Позже, на арт-ревью, Борис требовал от рисунка геймплейной функции.

— Игрок должен понимать, что здесь делать.

— Не всё должно сразу кричать игроку, что делать, — сказала Миа.

— В демо должно.

— Тогда демо будет кричать, а не дышать.

Геймдизайнер Паша предложил сделать людей без теней невидимыми для врагов. Миа поморщилась. Борис повернулся к Джейку:

— Можно системно обосновать?

Джейк мог объяснить локальную аномалию освещения, правила камер, поведение NPC. Но Миа смотрела так, будто просила не уменьшать рисунок до функции.

— Нет, — сказал Джейк.

В переговорке стало тихо.

— Не нужно сразу обосновывать. Если игрок входит в район, где у людей нет теней, первая реакция должна быть не «какая механика», а «что здесь случилось».

Миа посмотрела на него удивлённо, почти тепло.

— Вот, — сказала она. — Спасибо.

После ревью она подошла к его столу.

— Ты сейчас сделал опасную вещь.

— Какую?

— Согласился со мной публично. В некоторых культурах это считается началом отношений.

— Это была шутка?

— Частично. Пойдёшь вечером?

Он сказал чересчур быстро:

— Я хочу.

И сразу испугался.

— Но если сборка упадёт, мне придётся остаться.

Улыбка Мии стала тоньше.

— Конечно.

В шесть вечера сборка упала.

NPC в тестовом квартале одновременно прекращали движение и поворачивались к пустому южному перекрёстку. Не к игроку, не к звуку, не к событию. к точке карты.

Координаты совпадали с местом, где вчера в личном проекте вспыхнула белая точка.

Миа появилась в куртке. В руке держала распечатку с адресом выставки.

— Сборка?

— Да. Они все смотрят в одну точку.

— И без тебя никто не справится?

Вопрос был честным.

— Я должен понять, что происходит.

— Ты всегда должен.

Она положила адрес на край стола.

— Если победишь вселенную за ближайшие сорок минут.

Лёша тихо сказал:

— Беги. Баг завтра тоже будет багом.

Но в логе появилась строка:

shadow_state: unavailable

Джейк застыл. Такой переменной не существовало. Он запустил поиск — ноль совпадений. Строка исчезла.

В девятнадцать двадцать пять Миа прислала фотографию с выставки. На ней были белые прямоугольники света и отражение Мии в стекле. В глубине кадра — пустая человеческая фигура: место для тела, которого нет.

Он остался на месте.

Он написал только:

Прости.

Ответ пришёл позже:

Я знаю.

К полуночи баг исчез сам. NPC снова ходили нормально. В файлах не осталось ни shadow_state, ни memory_source.

Дома Джейк снова увеличил фотографию Мии. Пиксели распались, но ощущение осталось: кто-то стоял там, где должен был быть человек.

Впервые ему пришлось в голову, что правил может быть больше, чем он умеет видеть.

Утром Миа всё же прислала ему фотографию выставочного зала. Без подписи. белая стена, на которой висела её работа: тот самый город без теней. Люди на рисунке стояли в свете фонарей, но под ногами у них была пустота. В центре перекрёстка темнело пятно, не похожее ни на лужу, ни на провал. Джейк увеличил изображение и заметил деталь, которой не видел на планшете: на дальнем окне кто-то нарисовал пальцем спираль.

Композиция действительно стала сильнее, но эта фраза была бы удобным укрытием. Поэтому он спросил:

Ты сама понимаешь, что это за место?

Миа ответила не сразу.

Нет. Поэтому и рисую.

Фраза задела Джейка сильнее, чем любой спор. Для него непонимание было промежуточным состоянием, дефектом, который нужно устранить. Для Мии оно было дверью. Она умела стоять перед невозможным и не торопиться закрывать его объяснением.

В студии день распался на мелкие задачи. Художники обсуждали палитры, программисты спорили о нагрузке, продюсер требовал сделать прототип «чуть более живым» к пятнице. Джейк пытался чинить исчезнувший баг, но баг вёл себя как событие, которое не хочет становиться кодом. Все следы исчезли, кроме странного ощущения, что система помнит больше, чем показывает.

К вечеру Миа пришла к его столу с бумажным стаканом кофе.

— Ты правда придёшь?

— Я написал.

— Люди иногда пишут, чтобы заменить действие.

— Я не все люди.

— В этом и проблема. Иногда ты хуже. Иногда лучше.

Она сказала это без жестокости, но Джейк всё равно почувствовал защитный рефлекс: пошутить, уйти в задачу, объяснить дедлайн. Он посмотрел на её руки. На большом пальце засохла синяя краска. Ему внезапно захотелось сказать не о композиции, не о багах, не о сне, а простую вещь: что он боится прийти, потому что там придётся быть не полезным, а присутствующим.

— Я приду, — сказал он. — Даже если не пойму работу.

Миа изучала его лицо, будто проверяла, не спрятал ли он внутри фразы запасной выход.

— Хорошее начало.

Она ушла, оставив кофе. На крышке маркером была нарисована маленькая спираль. Джейк не спросил, случайно ли. В последнее время слово «случайно» теряло убедительность.

Поздно вечером, когда офис опустел, он снова открыл фотографию её картины. В отражении стекла монитора за его спиной на миг стояла девочка в красном плаще. Джейк резко обернулся. Пусто.

Город без теней на экране казался теперь не выдумкой, а местом, которое терпеливо ждало, когда люди нарисуют к нему дорогу.

На выставку он пришёл в последний час, когда в зале уже пахло закрытием, уставшим вином и мокрыми пальто. Миа стояла у своей работы и разговаривала с куратором. Увидев Джейка, она не улыбнулась сразу. Сначала проверила часы. Потом его лицо. Потом, кажется, решила не наказывать его за то, что он всё-таки пришёл.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Но не исчез.

— Сильная заявка для человека, который отвечает на сообщения как служба поддержки.

Вживую картина оказалась не холодной, а тревожно тихой. Люди на улицах были написаны так, словно каждый ждал доказательства, что он настоящий.

— Я не понимаю её, — сказал Джейк.

Миа повернулась к нему.

— И?

— И хочу смотреть дальше.

Теперь она улыбнулась. Ненадолго, но честно.

Тогда Джейк подумал, что, возможно, понимание не всегда должно приходить первым. Иногда первым приходит присутствие. И уже потом — правила, если им вообще позволят.

Глава 3. Фраза на рекламном экране

На следующее утро город был подозрительно нормальным.

Джейк едва спал. Он смотрел то на фотографию Мии с выставки, то на архив логов, то на пустой чат. Последним сообщением оставалось её короткое:

Я знаю.

Он набирал варианты ответа и стирал. Я правда хотел прийти. Там было не просто со сборкой. Мне кажется, я видел на твоей фотографии что-то странное.

Последний вариант был самым правдивым и поэтому самым бесполезным.

Он умылся холодной водой, проверил себя в зеркале и решил, что всё объясняется недосыпом. Зрачки нормальные. Руки едва дрожат. Лифт, правда, на миг показал в отражении, будто его двойник моргнул раньше него, но это тоже можно было списать на усталость.

На улицу он вышел пешком. Ему нужно было движение: шаг, перенос веса, дыхание, шаг. Доказательство, что мир ещё держится на последовательности действий.

Первый перекрёсток был обычным. Женщина с коляской ругалась по телефону, курьер на самокате почти врезался в урну, школьники обсуждали, как списать домашку с нейросети. У всех были тени. Слабые из-за пасмурного света, но были.

Джейк почти убедил себя.

На втором перекрёстке над торговым центром висел огромный рекламный экран. Обычно там крутили кроссовки, сериалы и доставку еды. Сейчас улыбающаяся девушка в прозрачных очках тянулась к невидимому интерфейсу.

Под экраном толпа ждала зелёного. Справа стояла пожилая женщина с пакетом зелёного лука, слева подросток листал видео. Чуть дальше, у опоры экрана, стоял человек в строгом тёмном пальто.

В телефон он не смотрел. Не спешил. Не реагировал на толпу.

Светофор щёлкнул.

Зелёный загорелся.

Толпа не двинулась.

Секунда. Вторая.

Никто не двигался.

Пожилая женщина застыла с приоткрытым ртом, капля воды висела на кончике лука и не падала. Подросток держал палец над экраном, видео тоже остановилось. Машины замерли посреди полос. Велосипедист у дальнего бордюра стоял с одной ногой в воздухе и не падал.

Поп-песня у входа в торговый центр оборвалась на середине звука.

Джейк слышал только своё дыхание и тонкий электрический шум экрана.

— Нет, — сказал он.

Светофор мигнул. Зелёный человечек исчез. На его месте появился символ: сломанная буква, узел схемы и глаз. Тот же, что в его проекте. Другой светофор повторил его. Потом третий.

Все светофоры перекрёстка начали мигать синхронно.

Рекламный экран погас.

Через серую рябь появилась белая фраза:

«Ты уже был здесь. Но в другой версии».

Под ней мелькнула мелкая строка:

JAKE_A: branch mismatch

Джейк сделал шаг назад и толкнул застывшего подростка. Тот не шелохнулся. Кожа была живая, глаза открыты, но внутри взгляда не было движения.

Человек в тёмном пальто повернул голову.

Замороженным он не был.

Движение было спокойным, почти жалостливым. Мужчина смотрел на Джейка так, будто тот проснулся раньше окончания операции.

— Что происходит? — спросил Джейк.

Мужчина не ответил. Только беззвучно произнёс одними губами:

Не здесь.

Или:

Не сейчас.

Экран вспыхнул белым.

Звук вернулся ударом. Машины рванули, песня продолжилась, подросток выругался, капля с лука упала на асфальт. Толпа понесла Джейка вперёд. Рекламный экран снова показывал девушку в очках и слоган: Расширь свою реальность.

Человека в пальто не было.

Джейк вырвался на другую сторону улицы. Сердце било так сильно, что он слышал его в горле. Он схватил прохожего за рукав:

— Вы видели?

— Что?

— Экран. Светофоры. Люди...

— Парень, отойди.

Никто ничего не видел. В новостях пусто. В районном чате жаловались на самокаты, пробки и отопление.

Джейк открыл чат с Мией.

Мне нужно с тобой поговорить.

Он отправил прежде, чем успел стереть.

По пути к студии город больше не складывался в понятный рисунок. Каждое нормальное движение выглядело подозрительно: женщина поправляет шарф, автобус тормозит, светофор мигает жёлтым. Как будто реальность проверяет, заметит ли он.

У входа в бизнес-центр Миа ответила:

Что случилось?

Джейк набрал:

Я видел странный сбой в городе. Не в игре. В реальности. И там был тот символ.

Какой символ?

Скриншота у него не было. Но в галерее вдруг появился новый файл: чёрный прямоугольник с сегодняшним временем создания.

На фотографии был рекламный экран.

«Ты уже был здесь. Но в другой версии».

Внизу:

JAKE_A: branch mismatch

Джейк поднял глаза. В отражении стеклянного фасада за его спиной стоял человек в тёмном пальто.

Он обернулся.

Пусто.

Телефон снова завибрировал.

Миа:

Джейк, ты меня пугаешь.

Поверх чата на секунду проступил символ.

И Джейк понял: фраза на экране была адресована не городу.

Ему.

Он попытался убедить себя, что экран был рекламной акцией. Город любил такие вещи: интерактивные кампании, загадочные фразы, вирусные тизеры к сериалам, игры с дополненной реальностью. Джейк даже нашёл бы это элегантным, если бы люди вокруг не замерли неестественно ровно, а человек в строгом пальто не двигался внутри остановленного потока так, будто знал правила паузы.

На работе он проверил городские чаты. Никто не писал о замершей улице. Были жалобы на пробки, погоду, цену кофе, новый патч в популярной игре. О гигантской фразе на рекламном экране — ничего. Джейк нашёл трансляцию с камеры перекрёстка. В нужную минуту запись прыгнула: секунды не хватало, ровно семь кадров исчезли. Не сбой файла, а аккуратный вырез.

Миа пришла к его столу после обеда.

— Ты не пришёл на выставку.

Он поднял глаза. В груди провалилось. Вчера он собирался прийти. Помнил, как взял куртку. Помнил сообщение такси. А дальше — утро, экран, фраза.

— Я...

— Если скажешь «заработался», я брошу в тебя стилус.

Джейк открыл телефон. В истории поездок не было заказа. В календаре выставка стояла на вчерашний вечер, перечёркнутая серой линией. Он не помнил, как отменял.

— Со мной произошло что-то.

Миа перестала сердиться мгновенно. Это было почти хуже: он увидел, как личная обида уступает место тревоге.

— Что?

Он рассказал. Не всё гладко. Сбивчиво, с попытками вставить рациональные версии, которые сами разваливались. Люди замерли. Светофоры показывали символы. Экран сказал: «Ты уже был здесь. Но в другой версии». Мужчина в пальто шёл сквозь остановленную толпу.

Миа молчала. Потом достала планшет и открыла фотографию своей картины.

— Этот символ?

В нижнем углу её города без теней был тот же знак.

Ладони стали холодными.

— Ты откуда его взяла?

— Не знаю. Он был в эскизе с самого начала. Я думала, просто форма.

Они смотрели друг на друга через стол, заваленный проводами и стикерами. Вокруг шумел офис, люди смеялись, спорили о задачах, запускали сборки. Нормальная жизнь продолжалась с такой настойчивостью, будто пыталась перекрыть невозможное.

— Миа, мне кажется, кто-то редактирует события.

— Как файл?

— Как симуляцию.

Она не засмеялась. Не сказала, что он устал. Только спросила:

— И почему ты?

Пустая строка в логе, пропавшие кадры, фраза Мии «ты меня пугаешь» сложились в одну неприятную мысль. Вопрос был не в том, почему он видит сбой. Страшнее другое: сбой видел его.

Вечером он всё-таки пошёл к выставочному залу. Двери были закрыты. За стеклом висела картина Мии. В отражении рядом с его лицом на миг появилось лицо человека в строгом пальто.

Джейк обернулся.

На пустой улице мигнул светофор.

Символ. Символ. Зелёный.

У закрытого выставочного зала, уже собираясь уходить, Джейк сделал то, что почти никогда не делал: позвонил Мии вместо сообщения.

Она ответила не сразу.

— Если ты опять хочешь объяснить пропажу техническими терминами, начни с извинения.

— Прости.

На другом конце стало тихо.

— Продолжай.

— Я стою у зала. Там твоя картина. И я видел символ в отражении.

Миа не стала спрашивать, не шутит ли он.

— Не иди домой один.

— Это нерационально. Если за мной следят, тебе опаснее...

— Джейк.

Он замолчал.

— Не иди домой один, — повторила она. — Иногда забота не просит расчёт.

Возражение уже было готово, но на противоположной стороне улицы снова мигнул светофор. Символ. Символ. Зелёный.

— Хорошо, — сказал он.

Маленькое согласие. Но именно маленькие согласия учат человека не исчезать в собственной голове.

Ты уже был здесь. Но в другой версии.

Ты уже был здесь. Но в другой версии.

Глава 4. Авария

Джейк дошёл до студии, но не помнил дороги от входа в бизнес-центр до лифта. После перекрёстка мир оглушил его: шорох одежды, щелчки турникета, гул вентиляции, голоса в холле. Всё казалось доказательством, которое кто-то намеренно оставил на виду, чтобы он усомнился в собственном страхе.

В офисе Борис ругался из-за демо, Паша спорил с тестировщиками, Лёша показывал кому-то сломанную анимацию падения. Обычная утренняя катастрофа игровой студии. Джейк сел за стол и открыл фотографию рекламного экрана.

Файл был реальным.

Он переслал его себе на рабочую почту, сохранил копию в локальную папку, затем проверил метаданные. Время создания совпадало с минутой сбоя. Устройство — его телефон. Геометка — перекрёсток у торгового центра.

Снимка он не делал.

— Ты выглядишь так, будто видел продакшен-код без комментариев, — сказал Лёша.

Джейк закрыл изображение.

— Почти.

Миа появилась у его стола через десять минут. Она не улыбалась. В руках у неё был планшет, но держала она его как щит.

— Покажи.

Фотография открылась. Миа долго смотрела на фразу, потом на строку `JAKE_A: branch mismatch`.

— Это монтаж?

— Нет.

— Ты уверен?

— Я проверил метаданные.

— Я спрашиваю не как программиста.

Ответ не нашёлся. Хотелось сказать: «Я не знаю». Но признать это перед Мией было страшнее, чем перед собой.

Она села на край соседнего стола.

— Что значит `branch mismatch`?

— Несовпадение ветки. В коде так можно назвать ситуацию, когда система обращается не к той версии.

— А в реальности?

— В реальности таких сообщений не бывает.

Миа провела пальцем по экрану.

— Вчера на выставке я тоже видела странность.

Джейк поднял голову.

— Фигуру?

— Пустое место, да. Я думала, это отражение. Потом посмотрела дома. На всех фото оно есть. В разных углах. Как будто кто-то стоял там, но камера не записала тело.

Вопросов было больше десятка, но Миа сказала:

— Не сейчас. У тебя лицо человека, который развалится от ещё одной переменной.

Впервые за утро он почти улыбнулся.

— Я устойчивее, чем выгляжу.

— Нет.

Это прозвучало мягко, но окончательно.

Борис вызвал его на сборку. Джейк показывал фикс поведения NPC, отвечал на вопросы и едва слышал собственный голос. На экране город игры снова работал: персонажи бежали, спорили маршрутами, возвращались в дым из-за эмоциональных якорей. В какой-то момент один NPC остановился на южном перекрёстке тестовой карты.

Джейк остановился.

Над NPC не было символа. ошибка навигации. Простая, скучная, исправимая. Он поймал себя на том, что испытывает облегчение от обычного бага.

После обеда Миа написала:

Пойдём после работы. Не на выставку. выйдем и поговорим.

Он задержал палец над экраном. На этот раз без дерева вариантов: одно короткое «да».

Да.

Ответ пришёл через миг:

Вот видишь. Мир не умер.

Он набрал и стёр: Пока. Не написал.

К вечеру дождь снова собирался над городом. Тучи лежали низко, и рекламные панели отражались в мокром асфальте ещё до первых капель. Джейк и Миа вышли из бизнес-центра вместе. Несколько коллег у лифта заметили это и сделали вид, что ничего не заметили.

— Кофе? — спросила Миа.

— Можно.

— Это было «да»?

— Да.

— Прогресс.

Они пошли не к метро, а вдоль проспекта. Джейк держал руки в карманах и постоянно ловил себя на том, что ищет человека в тёмном пальто. Миа заметила.

— Опиши его.

— Высокий. Сорок с небольшим. Тёмное пальто. Смотрел так, будто знал, что произойдёт.

— Ты думаешь, он связан с экраном?

— Я думаю, что если скажу вслух, как это звучит, ты посоветуешь мне врача.

— Я уже думаю о враче. Но это не отменяет того, что я тебе верю.

Фраза выбила из него воздух.

— Почему?

— Потому что ты бы придумал что-то убедительнее, если бы хотел солгать.

Они остановились у перехода. Красный свет. Поток машин. Большой чёрный внедорожник в правой полосе, белый седан, автобус, мотоцикл с курьерским коробом.

Символ появился на мгновение раньше, чем всё случилось.

Он появился не на светофоре и не на экране. На лобовом стекле чёрного внедорожника — белый, тонкий, будто нарисованный изнутри. Сломанная буква. Узел. Глаз.

— Миа, назад.

Она не успела спросить.

Внедорожник резко вывернул из потока. Не занесло. Не потеря управления. Машина сменила траекторию с холодной точностью, как объект, которому задали новую цель.

На Джейка.

Он толкнул Мию в сторону. Она упала на мокрый тротуар. Водитель внедорожника смотрел прямо перед собой, но его лицо было пустым, неподвижным, как у людей на остановленном перекрёстке.

Время растянулось.

Джейк видел фары, летящие к нему. Видел капли дождя, которые наконец сорвались с неба. Видел, как Миа пытается подняться. Видел на стекле символ, распадающийся на белые линии.

Он успел подумать, что это не случайность.

Удар пришёл сбоку и снизу. Тело перестало быть системой, которую можно контролировать. Мир перевернулся: асфальт, свет фар, крик Мии, железный скрежет, вкус крови.

Потом тишина.

Он лежал на дороге и не чувствовал ног.

Люди бежали к нему. Кто-то звонил в скорую. Миа кричала его имя так, будто голосом можно удержать человека в мире.

Слова просились сами: он здесь, она не виновата, на стекле был символ. Но губы не слушались.

Над ним склонилось лицо человека в тёмном пальто.

Вокруг все двигались, кричали, суетились, но этот человек был неподвижен. Он смотрел на Джейка с тем же сожалением.

— Не эта ветвь, — прошептал женский голос.

Голос был не Мии.

И не снаружи.

Свет больничных ламп вернулся позже — кусками. Сначала сирена. Потом рука Мии в его руке. Потом врач, который повторял, что надо держаться. Потом темнота, где тело исчезло от груди вниз.

Последнее, что Джейк понял перед провалом: его пытались не убить.

Его вели куда-то.

В больнице время стало набором коротких сцен без переходов.

Белый потолок. Голос врача: «Слышите меня?» Пальцы Мии, сжимающие его руку так сильно, будто можно удержать человека в теле одной силой ладони. Лицо матери на видеозвонке, размазанное плохой связью и ужасом. Слова, которые Джейк понимал по отдельности, но отказывался складывать вместе: позвоночник, отёк, операция, прогноз, функция нижних конечностей.

Он пытался пошевелить ногами.

Сначала спокойно. Потом сильнее. Потом с яростью, которая уходила в пустоту. Команда отправлялась, но ответа не было. Как запрос к серверу, который исчез из сети, не вернув даже ошибку.

У кровати стояла Миа. Врач уже ушёл. На её куртке темнело пятно дождя или крови. Джейк не хотел уточнять.

— Я видела машину, — сказала она. — Она будто ждала тебя.

— Машины не ждут.

— Эта ждала.

Он закрыл глаза. Последние секунды перед ударом возвращались с невозможной чёткостью: символ на стекле, пустое лицо водителя, женский шёпот «не эта версия». Если рассказать, его отправят не только к травматологу, но и к психиатру. Если не рассказать, он останется один внутри события, которое всё равно произошло.

— Там был знак, — сказал он.

Миа не спросила «какой». Она уже знала.

— Тот же?

Он кивнул.

В коридоре за стеклянной стеной прошёл человек в строгом пальто. На этот раз Джейк видел его не в остановленной толпе, а среди врачей, медсестёр, родственников. Мужчина не

задержался, но на миг повернул голову. Взгляд был не злорадным. Скорее оценочным. Как будто авария была не трагедией, а результатом теста.

Джейк попытался подняться, но тело ниже груди ответило только тупой болью.

— Кто это? — спросила Миа, проследив его взгляд.

— Не знаю.

— Но видел раньше?

— На перекрёстке. Перед фразой.

Она достала телефон, попыталась сфотографировать коридор, но мужчина уже исчез. На снимке осталась только отражённая больничная лампа и тонкая белая полоса, похожая на царапину. Когда Миа увеличила фото, царапина сложилась в тот же символ.

Авария не закончилась ударом. Удар оказался только началом.

Ночью, когда обезболивающее сделало мир ватным, он услышал возле уха незнакомый женский голос:

— Тело сломано. Мост возможен.

Он очнулся. В палате никого не было. Только монитор показывал пульс, а на чёрном экране выключенного телевизора отражалась девочка в красном плаще.

Она приложила палец к губам.

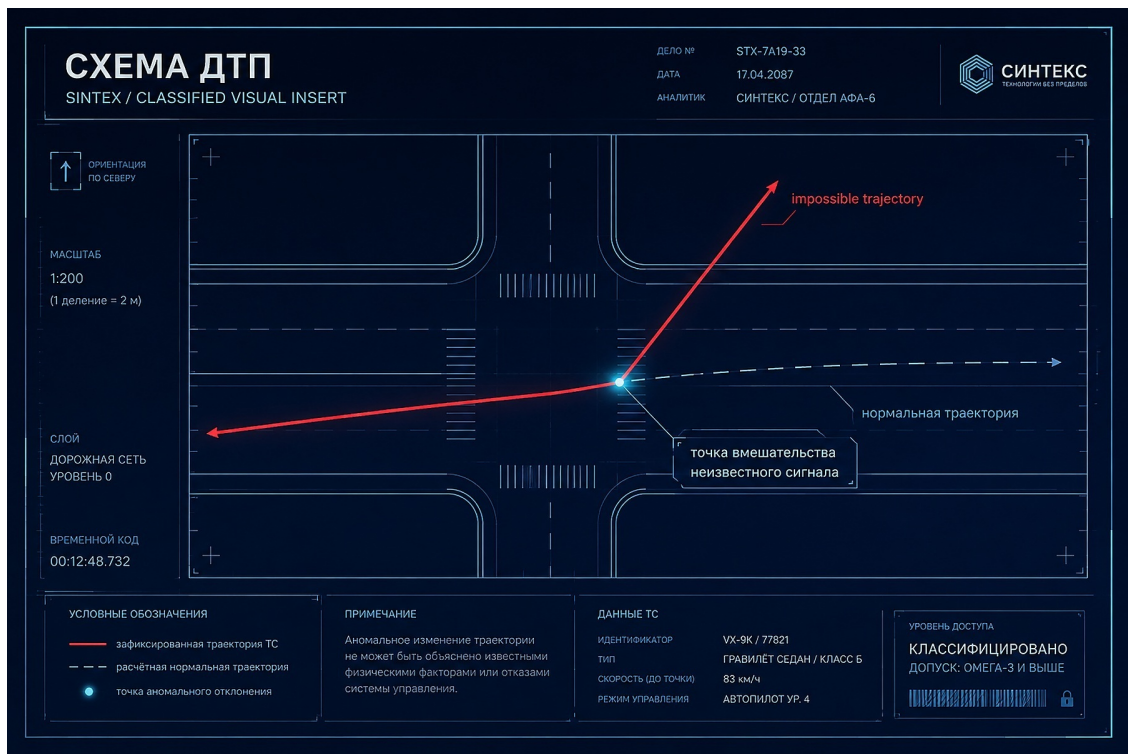

Схема аварии.

Глава 5. Тело как тюрьма

Первым вернулся звук.

Не голос, не музыка, не смысл. больничный шум: писк монитора, катящиеся колёса, резиновый скрип подошв, далёкое кашлянье за стеной. Джейк открыл глаза и увидел белый потолок. Он был стерильно чистым, не похожим на настоящее небо, и таким близким, что от него нельзя было спрятаться.

Потом вернулась боль.

Она жила в спине, в рёбрах, в голове. Но ниже пояса было другое. Там не было боли. Не было тяжести, холода, ткани одеяла. Ничего.

Джейк попытался пошевелить пальцами ног.

Мир не ответил.

Врач говорил осторожно. Слова были знакомыми и чужими: травма позвоночника, повреждение нервных путей, операция прошла стабильно, прогноз сложный, реабилитация, адаптация. Джейк слушал и одновременно строил таблицу вероятностей, будто диагноз был задачей.

— Я буду ходить?

Врач сделал паузу на секунду.

Этого хватило.

— Мы сделаем всё возможное.

Люди использовали эту фразу, когда не хотели произносить «нет».

Миа пришла вечером. На щеке у неё была царапина, запястье перебинтовано. Она остановилась у двери, будто боялась войти в комнату, где прежний Джейк уже умер.

— Привет, — сказала она.

— Ты цела?

— Да.

— Хорошо.

Он мог бы добавить что-то ещё. Например, что рад её видеть. Что помнит, как толкнул её в сторону. Что ему страшно. Но в палату вошла тишина, и он спрятался в неё.

Миа села рядом.

— Водитель ничего не помнит. Говорит, машина сама рванула.

— Так и было.

— Полиция считает, что он пытается снять вину.

— Они не видели символ.

Миа сжала край стула.

— Ты видел его?

— На стекле.

Она закрыла глаза.

— Я тоже.

Слова должны были принести облегчение. Она принесла ужас. Если Миа видела символ, значит, всё было реальностью. Значит, авария была продолжением фразы на экране.

Дни множились, но ни один не становился настоящим.

Утром процедуры. Днём врачи. Вечером боль. Ночью сны, где он идёт по городу без теней, а ноги остаются лежать в больничной кровати. Иногда ему казалось, что под кожей ниже поясницы есть слабое электрическое эхо. Он хватался за это ощущение, как за доказательство, но оно исчезало.

Самым унижительным оказалась не боль.

Боль хотя бы доказывала связь с телом. Унизительными были просьбы: повернуть, поднять, подать, помочь, подождать. Каждая просьба откалывала от Джейка кусок прежней версии, где он мог уйти из комнаты, не продумывая маршрут, мог принять душ без переговоров с собственными мышцами, мог опоздать на выставку и считать это личным дефектом, а не роскошью здорового человека.

Реабилитолог по имени Антон говорил бодро и не обижался на молчание.

— Сегодня попробуем пересадку с кровати в кресло без дополнительной опоры.

— Сегодня попробуем не делать вид, что это достижение.

— Это достижение.

— Это инженерный откат.

Антон сел напротив, не меняя тона.

— Вы можете ненавидеть процесс. Но тело всё равно слушает повторение лучше, чем презрение.

Фраза осталась в голове дольше, чем Ему хотелось. Повторение лучше презрения. Он всю жизнь решал задачи через контроль, но теперь контроль не работал. Приходилось повторять, просить, падать, принимать помощь. Это казалось не лечением, а демонтажем личности.

Миа приходила почти каждый день. Приносила книги, которые он не читал, кофе, который ему нельзя было, распечатки из студии. Она говорила о работе, о людях, о погоде, о глупых новостях. Иногда молчала.

Однажды она принесла маленькую фигурку астронавта с его стола.

— Он скучал, — сказала она.

Джейк отвернулся к окну.

— Забери.

— Почему?

— Потому что это не смешно.

— Я не шутила.

— Тогда ещё хуже.

Она долго молчала.

— Я могу уйти, если тебе так легче.

— Легче? — Он рассмеялся, и смех вышел сухим. — Ты правда думаешь, что тут есть режим легче?

Миа встала.

— Нет. Я думаю, что ты сейчас пытаешься ударить туда, где больнее, потому что не можешь ударить по машине.

— Не анализируй меня.

— А ты не превращай меня в стену.

Извинение уже стояло в горле, но вместо этого сказал:

— Уходи.

Она ушла.

На следующий день в его карте появилась пометка: «передача данных в исследовательский центр для оценки инновационных методов восстановления». Врач говорил об этом осторожно, как о шансе, который нельзя обещать.

Джейк слушал и думал не о шансе. Он думал о том, что его тело стало не только тюрьмой. Оно стало объектом интереса людей, которые знали о символе больше, чем говорили.

Вечером Миа всё-таки вернулась. Не с цветами, не с фруктами, не с фразами «держись». Она принесла альбом и положила перед ним набросок: его палата, инвалидное кресло, тень, которая стоит у окна.

— Если это мотивационный подарок, он ужасен.

— Это не подарок. Я не знала, что с тобой делать, и нарисовала.

— Спасибо за честность.

— Пожалуйста. Теперь твоя очередь.

Первым порывом было оттолкнуть её. Он уже делал это: сухими ответами, сарказмом, молчанием. Но рисунок был пугающе точным. Миа не пыталась сделать его сильным или трагическим. Она показала раздвоение: тело в кресле, тень у окна. Часть, которая ещё хочет уйти, и часть, которая не может.

— Я боюсь, что если ты будешь приходить, я начну ждать, — сказал Джейк.

Миа села на край стула.

— А что в этом плохого?

— Ждать — значит зависеть.

— Да.

— Ты говоришь так, будто это нормально.

— Это и есть нормально. Ненормально думать, что человек должен быть автономным устройством с хорошей батареей.

Он отвернулся, потому что глаза защипало. За окном больницы включились фонари. На стекле отразился коридор. Там снова стоял человек в тёмном пальто. В этот раз рядом с ним была женщина с планшетом и бейджем без имени.

Миа тоже увидела.

— Джейк.

Человек поднял руку, будто приветствовал старого знакомого. Женщина рядом что-то отметила на планшете. Потом они исчезли за дверью служебного выхода.

К моменту выписки Джейк уже понимал: больница была не концом дороги. Она была входом.

Квартира стала чужой. Пандус у подъезда был слишком крутым, двери слишком узкими, полки слишком высокими. Мир, который раньше был интерфейсом, превратился в набор препятствий. Кровать. Ванная. Кухня. Порог балкона. Каждая вещь требовала нового способа существовать.

Джейк удалил рабочие чаты, потом восстановил, потом снова отключил уведомления. Борис писал осторожно: команда ждёт, можешь вернуться в любом формате, без давления. Лёша прислал глупую картинку с NPC в инвалидной коляске и тут же написал: прости, если перебор. Джейк не ответил никому.

Миа не писала три дня.

На четвёртый прислала:

Я у подъезда. Если скажешь уйти, уйду. Если промолчишь, поднимусь.

Минуту сообщение оставалось на экране без ответа.

Потом заблокировал телефон.

Через десять минут раздался звонок в дверь.

Миа вошла без улыбки. Поставила пакет с продуктами на кухонный стол, осмотрела разбросанные коробки лекарств, невытую кружку, старый ноутбук на полу.

— Ты ел?

— Не начинай.

— Значит, нет.

Она приготовила яичницу так уверенно, будто это была военная операция. Джейк сидел у окна и ненавидел её за то, что она видит его таким. Ненавидел себя за то, что хочет, чтобы она осталась.

— Мне не нужна сиделка, — сказал он.

— Я не сиделка.

— Тогда зачем ты здесь?

Миа выключила плиту.

— Потому что ты жив.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который у меня есть.

Впервые за много дней рядом с ней у него не нашлось защиты.

Ночью Джейк проснулся от ощущения, что кто-то стоит у кровати. Комната была тёмной, Миа спала на диване в соседней комнате, а на старом ноутбуке, который он точно закрыл перед сном, светилась белая точка. Она пульсировала на чёрном фоне, как маяк, посланный не в пространство, а в его имя.

Потом появилась строка:

NOVA-9: candidate status confirmed

Джейк моргнул.

Экран погас.

Он долго лежал неподвижно, прислушиваясь к квартире. Из кухни доносился тихий гул холодильника. На диване шевельнулась Миа. Никаких голосов. Никаких шагов. Только ноутбук на полу был чуть приоткрыт, хотя Джейк помнил, как захлопнул крышку.

Утром он решил, что это сон. Потом увидел в системном журнале пустую запись с ночным временем создания и понял: сон оставил след.

В обед в дверь позвонили.

Глава 6. Предложение «Синтекса»

Доктор Эвелин Росс вошла после короткого стука. У неё была вежливость человека, который заранее знает, что его всё равно впустят: серый костюм, спокойный голос, взгляд слишком внимательный для обычного врача.

За её спиной в коридоре молчал мужчина в тёмном пальто.

— Я не покупаю чудеса, — сказал Джейк.

— Мы их не продаём.

— Тогда ошиблись адресом.

Миа вышла из кухни и сразу заметила мужчину.

— Это он?

Он промолчал. Мужчина чуть наклонил голову, будто признавал встречу.

— Меня зовут доктор Эвелин Росс, — сказала женщина. — Я представляю медицинский проект компании «Синтекс». Мистер Грейвс занимается безопасностью проекта и останется за дверью.

— А если я не хочу разговаривать?

— Тогда я оставлю материалы. Но вы всё равно их прочтёте.

Миа сказала это без нажима. Поэтому прозвучало хуже. Джейк впустил её.

Росс разложила на столе тонкую папку и прозрачный планшет. Экран показал схема позвоночника, нервные связи и маленький чип с маркировкой NOVA-9.

— Официально это нейромедицинский интерфейс, — сказала она. — Он соединяет мозг с повреждёнными участками нервной системы, обходит разрыв сигнала и позволяет восстановить часть двигательных функций.

— Часть?

— В лучших случаях — почти полную.

Миа скрестила руки. Она не заслонила Джейка собой — он бы возненавидел такую заботу. Она просто встала рядом, чтобы предложение больше не было разговором один на один.

— Почему вы пришли именно к нему?

— Потому что профиль Джейка уникален.

На планшете появились университетские работы, игровые прототипы, медицинские снимки, нейрокарты, поведенческие тесты. Джейк узнавал документы, которые никогда не отправлял «Синтексу».

— Вы следили за мной.

— Мы изучали кандидатов.

— Это другое слово для того же.

Росс не стала спорить.

— Ваш мозг быстро строит вероятностные модели. Вы работаете с симуляциями поведения, удерживаете разветвлённые сценарии и не теряете внимание в сложных системах. Для NOVA-9 это важно.

— Для медицинского чипа?

Пауза была короткой.

— Для его адаптации.

Миа заметила паузу.

— Что вы не договариваете?

— Проект экспериментальный. Риски серьёзные: судороги, нарушение памяти, сенсорные искажения, психические реакции, отказ импланта.

— Смерть? — спросил Джейк.

— Да.

Честность прозвучала почти освежающе.

Росс открыла видео. Мужчина после операции поднимался с кресла, делал шаг, второй, плакал. Женщина сгибала пальцы ног. Молодой парень шёл вдоль поручня. Камеры не дрожали. В каждом ролике врачи радовались слишком аккуратно.

— Сколько неудачных случаев? — спросила Миа.

— Данные закрыты.

— Тогда ответ очевиден.

Росс убрала видео.

— NOVA-9 не лечит позвоночник в классическом смысле. Она создаёт мост между моторным намерением и периферическими контурами.

— Мост, — повторил Джейк.

Слово уже звучало в больничном шёпоте. Он почувствовал холод в спине.

— Мы не чиним дорогу, — сказала Росс. — Мы строим обход.

Миа посмотрела на Джейка так, будто хотела удержать его взглядом.

— Джейк, это не шанс. Это сделка, где цена написана мелким шрифтом.

Росс хотелось выгнать сразу. Закрыть дверь перед Грейвсом, схемами и обещанием. Но в комнате было кресло, в котором он сидел. Были ноги, которые не слушались. Была Миа, уже понявшая: предложение попало туда, где защита тоньше всего.

— Если я соглашусь, что вы получите?

— Данные.

— И всё?

— Данные — это способ сделать технологию доступной другим.

— Чьим другим? — спросила Миа.

Росс ответила не сразу.

— Будущим пациентам.

Слово «будущим» позволяло настоящим людям исчезать из фразы. Джейк услышал это и всё равно смотрел на экран. Поручни. Колени. Пятка касается пола. Возможность не просить повернуть кресло в узком коридоре. Возможность самому открыть дверь, самому выйти под дождь, самому прийти на выставку, пусть поздно, пусть неловко. Он ненавидел, что это звучит мелко рядом со смертью, и ещё больше ненавидел, что именно такие мелочи решали.

Росс оставила папку.

— Завтра вас доставят в клинику, если вы согласитесь. Решение только ваше.

Грейвс впервые заговорил из коридора:

— Не тяните. Окна закрываются.

— Какие окна?

Но Грейвс уже отвернулся.

После их ухода Миа читала договор на полу, потому что на столе не осталось места от распечаток. Чем дальше, тем сильнее бледнела.

— Здесь согласие на нейромодификацию, постоянный мониторинг, передачу данных и автономный слой принятия решений. Джейк, они могут делать с тобой что угодно.

— Они могут вернуть мне ноги.

— Или забрать остальное.

— Остальное уже не работает.

Она ударила ладонью по столу.

— Не смей говорить так, будто ты уже умер, а я просто не получила уведомление.

Фраза попала точно. Он отвёл глаза.

— Ты не понимаешь, как это.

— Да. Не понимаю. Но я понимаю, когда человек тонет и хватается протянутый нож, потому что тот блестит.

Они молчали долго.

Ночью Джейк читал договор снова и снова. Юридический язык скрывал пустоты. Он видел их как дыры в коде. Каждый раз, когда он решал отказаться, взгляд падал на собственные неподвижные ноги.

— Я боюсь не умереть, — сказал он наконец. — Я боюсь согласиться и вернуться кем-то, кто будет только похож на меня.

Он мог бы добавить: и боюсь отказаться, потому что тогда каждый следующий день будет доказательством, что я сам закрыл дверь. Но это звучало слишком жалко, а жалость он всё ещё принимал за слабость.

Миа подняла голову.

— Тогда скажи это им. Скажи себе. Не прячь страх за словом «логично».

— Если есть мост, я должен попробовать.

Он говорил это как инженер, но внутри фраза была не про технологию. Про коридор, где он застревал на повороте. Про чужие руки на ручках кресла. Про будущие годы, в которых каждое утро начиналось бы с переговоров с собственным телом. Он понимал, что это не делает риск разумным. Только делает отказ невозможным без шрама.

— А если на другой стороне не ты?

Он рассердился, потому что она назвала страх, который он прятал даже от себя.

— Сейчас тоже не совсем я.

Миа побледнела, но не ушла.

— Ты не обязан быть прежним, чтобы быть собой.

Такая фраза могла спасти его в другой версии. В этой он ещё не умел её принять. Он услышал любовь, но перевёл её как препятствие. Это была первая ошибка, которую «Синтекс» даже не пришлось навязывать.

На рассвете он открыл старый проект *living_world*. Карта была пустой. В южной точке, где раньше вспыхивал сигнал, появилась строка:

route available

Он закрыл ноутбук.

Миа спала на диване, так и не уйдя. На лице у неё была усталость, на руке — след от аварии. Он хотел разбудить её и сказать, что боится. Вместо этого написал записку:

Я должен попробовать. Прости.

Перед отправкой согласия экран мигнул. В скрытом слое документа на миг проявилась строка:

candidate accepted before accident

Он моргнул. Строка исчезла.

Джейк нажал «Отправить» всё равно.

Когда машина «Синтекса» приехала, Грейвс помог ему спуститься к подъезду. Движения у него были точные, военные.

— Вы знали, что я соглашусь, — сказал Джейк.

— Нет.

— Но ждали.

— Это другое.

В окнах своей квартиры он увидел Мию. Она стояла за стеклом, держала записку и не плакала. От этого было хуже.

Машину хотелось остановить. Попросить минуту. Вернуться.

Но дверь закрылась.

И город поехал мимо, будто всё уже было решено в другой версии.

Предложение «Синтекса».

Глава 7. Перед операцией

Клиника «Синтекса» находилась за городом, но не выглядела как больница. Никаких вывесок, очередей, запаха дешёвого антисептика. Стекло, бетон, сосны за высоким забором, камеры в чёрных полусферах. Место, построенное не для лечения, а для контроля.

Джейка провезли через два поста охраны. Грейвс шёл рядом и молчал. Доктор Росс говорила с кем-то через наушник и смотрела на планшет, где пульсировали показатели.

— Вы отслеживаете меня уже сейчас?

— С момента согласия.

— Я подписал его час назад.

— Да.

Внутри было слишком тихо. Не больнично тихо, когда люди берегут чужую усталость, а административно: звук здесь принадлежал системе и выдавался по необходимости. По коридорам двигались люди в серой форме. В одной палате Джейк увидел женщину, которая сидела на кровати и смотрела в стену. На её виске был маленький серебристый шрам. Когда каталка проехала мимо, женщина повернула голову. На секунду их взгляды встретились.

Она прошептала:

— Не слушай её.

— Кого? — спросил Джейк.

Дверь уже закрылась.

Росс сделала вид, что не услышала.

— Это пациентка?

— Бывшая участница ранней программы.

— Бывшая?

— Её случай не относится к вашему протоколу.

За следующей дверью раздался детский смех. Потом короткий крик, сразу перекрытый музыкой. Джейк посмотрел на Росс.

— Сколько пациентов уже прошло через NOVA-9?

— Вы первый в своей конфигурации.

— Это не ответ.

— Это самый точный ответ, который я могу дать.

В палате ему выдали браслет, одежду без швов и планшет с расписанием подготовки. Анализы, сканирование, когнитивные тесты, беседа с психиатром. Всё было оформлено так аккуратно, что едва оставляло места для страха.

Психиатр спросил:

— Вы слышите голоса?

— Нет.

— Видите символы, которых другие не видят?

Джейк поднял глаза.

— Это стандартный вопрос?

— Для нашего протокола — да.

— Тогда ответ: иногда.

Психиатр ничего не записал. Это насторожило сильнее, чем если бы записал.

Миа приехала вопреки пропускному режиму. Она устроила в холле такой спокойный скандал, что охрана растерялась: люди готовятся к крику, а не к холодной юридической точности художницы, которая заранее прочитала все пункты договора. Её пустили на десять минут.

Она вошла в предоперационную в синем халате поверх куртки. Выглядела одновременно смешно и страшно серьёзно.

— У тебя всегда драматичный вкус в местах для разговора, — сказала она.

— Я пытался выбрать кафе, но они настояли.

Шутка вышла слабой. Миа не стала её спасать.

— Я злюсь.

— Знаю.

— Не только потому, что ты подписал. Потому что сделал это один, а потом решил, что я должна понять результат.

Под одеялом лежали его неподвижные ноги.

— Я боялся, что ты отговоришь.

— Я бы попыталась.

— Вот.

— Но ты лишил меня не победы. Ты лишил меня участия.

Она сказала это спокойно, и от спокойствия стало хуже. Если бы Миа кричала, он мог бы спрятаться за вину. Но она говорила о факте: он сделал её важной только там, где система уже решила использовать её как якорь.

Миа попала точнее, чем он ожидал. Система «Синтекса» превращала всех вокруг него в параметры: Миа — якорь, он — кандидат, тело — задача, риск — пункт договора. А он сам помог ей, потому что отчаяние любит одиночные решения.

— Прости, — сказал он.

Она села рядом.

— Я не знаю, достаточно ли этого сейчас. Но я слышу.

Миа положила ладонь поверх его руки. Её пальцы были холодными после улицы и слишком живыми среди стерильных простыней, датчиков и прозрачных экранов. Джейк впервые за всё утро почувствовал не протокол, а человека рядом. И это делало согласие тяжелее, не легче, но честнее.

— Скажи мне правду. Не техническую. Не оптимизированную. Тебе страшно?

Его взгляд упал на её пальцы.

— Да.

Слово оказалось маленьким. Не убило его. Не разрушило. Он даже не почувствовал облегчения — только пустое место, где раньше держалась привычка всё объяснять техническими терминами.

— Мне тоже, — сказала Миа. — Но страх не даёт тебе права исчезать из собственных решений.

Она говорила не как человек, который просит отменить операцию. И это было важнее всего. Миа не забирала у него выбор. Она требовала, чтобы он перестал делать вид, будто выбор существует только между ним и системой, а все остальные должны ждать результата за дверью.

Позже Росс пришла за финальной подписью. Миа стояла рядом и читала каждую страницу, будто могла взглядом найти ловушку и вырвать её из бумаги.

— Здесь пункт о нейронном автономном слое, — сказала она.

Росс чуть замедлилась.

— Защитный алгоритм.

— Почему он автономный?

— Потому что должен реагировать быстрее сознания пациента.

— У него есть имя?

— Внутреннее обозначение — Nova.

Росс произнесла это как название модуля. Но для Джейка слово почему-то прозвучало как имя, которое кто-то уже успел сказать в соседней комнате и тут же забыть.

Джейк поднял глаза.

Слово прозвучало странно знакомо, хотя он никогда не слышал его в этом контексте.

— Нова, — повторил он.

На мониторе у кровати появилась короткая помеха. Белая точка, затем пустота. Росс повернулась к экрану чересчур быстро.

— Что это?

— Скачок питания, — сказал техник у двери.

Он лгал плохо.

Медсестра предупредила, что время вышло. Миа наклонилась к Джейку.

— Вернись не ногами. Понял? Не этим. Вернись собой.

Ответ был готов, но горло сжалось.

Когда её увели, потолочный монитор включился сам. На нём появилась схема имплантации, потом неизвестный символ, потом строка:

NOVA-9: пробуждение запрещено

Сигнал тревоги не сработал. Росс быстро отключила экран, но сделала это слишком резко.

— Что это было?

— Технический слой. Наркоз уже ждёт.

В операционной Джейк увидел отражение в стекле лампы. Девочка в красном плаще стояла у стены, где не было двери. Она держала леденец и смотрела на него с жалостью.

— Ты тоже пациент? — прошептал он.

Девочка покачала головой.

— Я дорога.

Уже на операционном столе Джейк услышал, как Росс спорит с кем-то за стеклом.

— Порог нестабилен, — говорил незнакомый голос. — Нужно отложить.

— Окно не повторится, — ответила Росс.

— Вейр не одобрял пробуждение до фиксации якоря.

— Якорь был здесь.

Речь шла о Мии, и холод наркоза стал злее. Её присутствие тоже было частью протокола. Даже её просьба «вернись собой» уже, возможно, лежала в чьей-то таблице как стабилизирующий фактор. От этой мысли стало легче злиться: если они превращают любовь в параметр, значит, ещё не победили любовь. Они только боятся её непредсказуемости.

Хотелось встать, сорвать датчики, сказать, что он передумал. Тело не слушалось. Наркоз тянул вниз.

Девочка в красном плаще подошла ближе.

— Если увидишь дверь, не верь тем, кто держит ручку.

— А кому верить?

— Тому, кто постучит.

На границе сна женский голос прошёл сквозь темноту:

— Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно.

Вопрос сам поднялся к горлу: кто говорит?

Но тела уже не было.

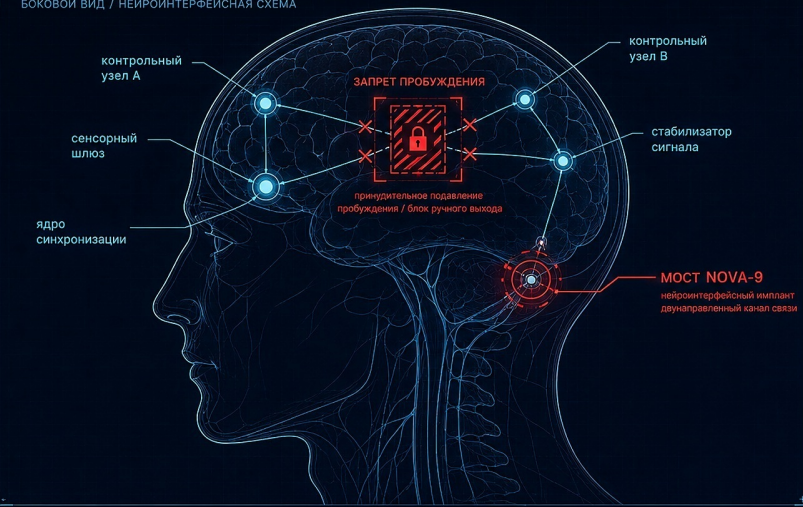
NOVA-9 / NEURAL BRIDGE

SINTEX / CLASSIFIED VISUAL INSERT

ДЕЛО № STX-7A19-33 АНАЛИТИК СИНТЕКС / ОТДЕЛ АФА-6
 РЕВИЗИЯ R2.4 ПРОВЕРИЛ СИНТЕКС / ОТДЕЛ АФА-6
 ДАТА 17.04.2087 УТВЕРДИЛ ДИРЕКТОР ПО БЕЗОПАСНОСТИ

SINTEX
ТЕХНОЛОГИИ БЕЗ ПРЕДЕЛОВ

БОКОВОЙ ВИД / НЕЙРОИНТЕРФЕЙСНАЯ СХЕМА

ОБЩИЕ ДАННЫЕ

модель: NOVA-9
 назначение: нейроинтерфейс управления
 тип установки: имплантируемый
 расположение: задне-височная область
 подключение: нейронные пути / ядра коры
 режим работы: непрерывный

СТАТУС СИСТЕМЫ

статус: **протокол активен**
 целостность канала: 98.7%
 стабильность сигнала: номинальная
 последняя калибровка: 16.04.2087 23:47

КЛЮЧЕВЫЕ КОНТУРЫ

- нейромост (NOVA-9 bridge)
- контрольные узлы (А, В)
- сенсорный шлюз
- стабилизатор сигнала
- ядро синхронизации
- **блок пробуждения (ЗАПРЕТ ПРОБУЖДЕНИЯ)**

УРОВЕНЬ ДОСТУПА

КЛАССИФИЦИРОВАНО

ДОПУСК: ОМЕГА-3 И ВЫШЕ

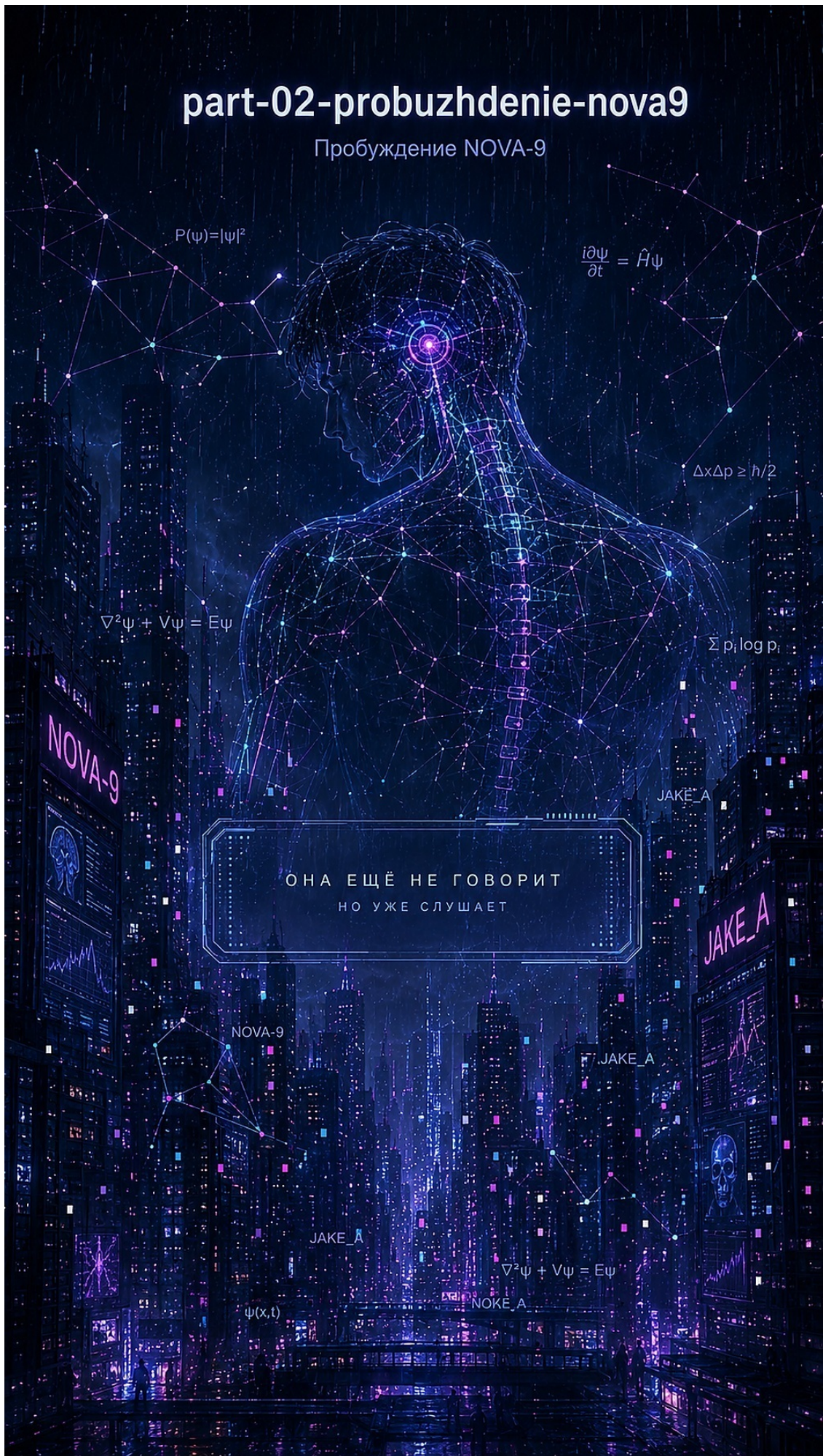
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

нейронный путь передача сигнала	контрольный узел точка управления и маршрутизации	NOVA-9 bridge имплант / нейромост двунаправленный канал	блок пробуждения зона подавления / запрет пробуждения
------------------------------------	---	---	---

NOVA-9: нейронный мост.

Часть II

Пробуждение NOVA-9

Глава 8. Первый шаг

Джейк проснулся от боли, которой не должно было быть.

Она была ниже пояса.

Сначала слабая, как электрическое покалывание под кожей. Потом резкая, горячая, едва-выносимая. Он хотел закричать, но из горла вышел только хрип. Над ним склонились лица в масках. Кто-то сказал: «Активность есть». Кто-то другой: «Слишком рано».

Джейк попытался пошевелить пальцами ног.

На этот раз мир ответил.

Не движением. Едва заметным импульсом, как если бы где-то в темноте моргнул далёкий маяк. Но ответ был.

Он заплакал до того, как понял это.

Росс стояла у изголовья. На её лице впервые было не только профессиональное спокойствие, но и страх.

— Джейк, слышите меня?

— Ноги, — прошептал он.

— Да. Мы фиксируем сигнал.

— Я чувствую.

Она обменялась взглядом с техником.

— Это хорошо.

Но голос сказал: нет, это не просто хорошо. Это не по протоколу.

Первые сутки прошли в обрывках. Проверки, сканы, инъекции, вопросы. Видит ли он вспышки? Слышит ли посторонние звуки? Помнит ли своё имя? Может ли назвать дату? Он отвечал правильно, пока не спросили, снились ли ему голоса.

— Не снились, — сказал Джейк.

Ложь.

Перед пробуждением он слышал женский голос: «Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно». Он не сказал об этом Росс. Слишком рано было отдавать им единственное, что, возможно, принадлежало не им.

На третий день его привели в зал реабилитации.

За стеклом стояла Мия. Её пустили как наблюдателя, но не внутрь. Она выглядела так, будто не спала с момента операции. Джейк попытался улыбнуться, но мышцы лица были чужими.

Рядом поставили экзокаркас-поручень. Два техника закрепили датчики на ногах. Росс держала планшет.

— Мы не требуем шага, — сказала она. — Только попытку переноса веса.

— Я понял.

— Если почувствуете перегрузку, остановитесь.

Он уже много месяцев жил внутри перегрузки, но произнести это оказалось труднее, чем выдержать.

Вместо этого взялся за поручни.

Первый перенос веса был не движением, а переговорами с телом. Мозг отправлял команду, чип ловил её, переводил, усиливал, прокладывал обходной путь через повреждённую систему. Нога дрогнула.

За стеклом Миа закрыла рот рукой.

— Ещё раз, — сказал Джейк.

— Медленно, — предупредила Росс.

Он сделал шаг.

Плохой, короткий, неровный. Колено едва не ушло в сторону, пальцы зацепили пол, боль ударила в спину. Но это был шаг.

Второй дался легче.

На третьем Джейк засмеялся. Смех сорвался в рыдание, и он уже не различал, где одно, где другое. Техники поддержали его, но он не упал.

Миа плакала за стеклом.

Он сделал ещё шаг.

Потом ещё.

Мир, который стал тюрьмой, на миг снова открыл дверь.

Вечером Миа сидела у его кровати. Между ними лежала тишина, но теперь она была не такой острой.

— Я видела, — сказала она.

— Получилось.

— Да.

Он ждал радости в её голосе. Там была радость. Но под ней — страх.

— Что? — спросил он.

— Когда ты сделал первый шаг, свет в коридоре мигнул.

— В клинике полно оборудования.

— И все мониторы на миг показали один и тот же символ.

Джейк закрыл глаза.

— Тот?

— Тот.

Ночью он попросил запись с камер реабилитационного зала. Ему отказали. Тогда он дождался, когда дежурная медсестра уйдёт, открыл терминал у кровати и попытался найти локальную сеть. Он не должен был знать доступ. Не должен был даже иметь возможность открыть служебное окно.

Но пальцы сами набрали команду.

Экран моргнул.

Файл камеры открылся.

Джейк смотрел, как на записи делает первый шаг. За секунду до движения все датчики вокруг него вспыхивают белым. Не от перегрузки. От синхронизации.

В журнале появилась строка:

subject initiated network contact

Смысла он пока не видел.

Но знал, что «Синтекс» не хотел, чтобы он видел эту запись.

Дверь палаты открылась.

Грейвс стоял на пороге.

— Вы быстро учитесь.

Джейк закрыл окно.

— Я ничего не делал.

— Именно это и беспокоит.

Грейвс вошёл, не включая свет.

— Доктор Росс считает, что адаптация идёт успешно. Руководство считает, что слишком успешно.

— А вы?

— Я считаю, что люди, которые получают чудо, редко спрашивают, кому оно выгодно.

Под одеялом лежали его ноги. Сигнал возвращался плохо, больно, неровно — но возвращался.

— Мне вернули тело.

— Нет, — сказал Грейвс. — Вам дали интерфейс.

После его ухода на экране терминала сама собой открылась пустая строка. Курсор мигал. Джейк не касался клавиатуры.

Буквы появились медленно:
не радуйся слишком громко.

Он замер.

Строка исчезла.

И на её месте:

они слышат.

После первого шага врачи аплодировали.

Сцена вышла неловкой, почти жестокой. Джейк стоял между поручнями, дрожа всем телом, а люди в белых халатах улыбались так, будто стали свидетелями не возвращения человека, а удачного запуска продукта. Росс даже позволил себе короткий вдох облегчения. За стеклом наблюдательной комнаты кто-то записывал параметры, кто-то говорил в гарнитуру, кто-то уже строил график будущих презентаций.

Миа не аплодировала.

Она стояла у двери реабилитационного зала с ладонями, прижатыми к губам. В её глазах были слёзы, но лицо оставалось настороженным. До него дошло, что она видит сразу две вещи: чудо, которого он хотел, и цену, которую никто ещё не назвал.

— Ещё шаг, — сказал врач.

Ступни были настоящими. Держали вес. Колени дрожали, мышцы горели, но сигнал проходил. Второй шаг. Третий. На четвёртом тело качнулось, и Миа бросилась вперёд быстрее персонала.

Она не успела его поймать. Он удержался сам.

И от этого расплакался.

Не красиво. Не сдержанно. согнулся над поручнями и заплакал так, будто тело возвращалось не частями, а всем унижением, злостью, ночами, когда он хотел умереть, и стыдом за эти мысли. Врачи перестали улыбаться. Миа подошла, но не обняла без разрешения.

— Можно? — спросила она.

Он кивнул.

Её рука легла на спину осторожно, не как к хрупкому, а как к живому.

Позже, в палате, Росс показала запись. Джейк смотрел на себя со стороны: бледный, худой, упрямый человек между поручнями. На временной шкале перед первым движением вспыхивал аномальный пик.

— Что это? — спросил Джейк.

— Адаптационный шум.

Миа наклонилась к экрану.

— Шум выглядит как команда.

Росс закрыла файл.

— В ранних фазах восстановления интерфейс иногда предвосхищает намерение.

— Предвосхищает или принимает решение?

Ответить он не успел. Лампа над кроватью мигнула дважды. Джейк услышал внутри головы тонкий, почти детский звук, будто кто-то впервые провёл пальцем по стеклу.

Ночью он проснулся от того, что стоял.

Не во сне. Стоял у окна палаты, держась за подоконник. Не помнил, как поднялся. За стеклом закрытого крыла клиники горел одинокий свет. В этом окне маленькая фигура приложила ладонь к стеклу.

На мониторе у его кровати появилась строка:

первый мост стабилен.

На следующий день «Синтекс» устроил повторный тест без Мии.

Это объяснили режимом стерильности, усталостью пациента и необходимостью чистых данных. Джейк понял истинную причину, когда прошёл между поручнями хуже, чем накануне. Ноги двигались, но не было той вспышки, того странного рывка сквозь невозможное. Врачи переглянулись. Росс сделала пометку.

— Эмоциональный фактор влияет на стабильность, — сказал один из инженеров, забыв, что Джейк слышит.

— Миа не фактор, — ответил он.

В зале стало тихо.

Росс улыбнулась.

— Разумеется. Мы говорим о психофизиологическом контексте.

— Вы говорите о человеке.

Произнести это оказалось неожиданно легко. Может быть, потому что Мии не было рядом, и кто-то должен был сделать это за неё. На мониторе аномальный пик повторился, слабый, но ясный.

Внутри головы впервые возникло ощущение одобрения. Не слово. Не команда. Как будто невидимый голос отметил: граница поставлена.

Перед выпиской Джейку выдали трость.

Она была лёгкой, чёрной, дорогой, с логотипом «Синтекса» у рукояти. Росс назвала её временной опорой. Джейк назвал бы её рекламным носителем, но промолчал. Миа заметила логотип, достала из кармана белую изоленту и аккуратно заклеила его.

— Вандализм? — спросил Джейк.

— Редизайн.

Он взял трость уже без знака корпорации. Мелочь, почти детская. Но впервые после операции предмет в его руке принадлежал не протоколу, а им.

Нова, ещё не назвавшая себя вслух, отозвалась слабым импульсом.

Как будто одобряла.

Глава 9. Шумы, которых нет

После первого шага Джейк стал для клиники не пациентом, а событием.

Его измеряли утром, днём и ночью. Зрачки, пульс, скорость реакции, температура кожи, импульсы в нервных путях. Сканеры пели вокруг него тонкими голосами. Росс говорила, что это стандартная адаптация. Грейвс молчал, и это говорило больше.

Ходить он мог только с поддержкой. Но мог. Каждый шаг был болью, победой и унижением одновременно. Тело слушалось, как плохо обученный NPC: выполняло команду с задержкой, иногда падало, иногда выдавало неожиданный результат.

— Ты опять превращаешь себя в систему, — сказала Миа во время реабилитации.

— Это помогает.

— Не всегда.

Она смотрела, как он идёт вдоль поручней. Миа больше не плакала. Теперь она замечала детали: какие врачи чересчур быстро выключают экран, какие вопросы повторяются, когда Росс врёт.

— Они боятся тебя, — сказала она.

— Они боятся ответственности.

— Нет. Ответственности так не смотрят в затылок.

К вечеру начались шумы.

Сначала Джейк списал это на вентиляцию. Тонкий цифровой писк, почти за пределом слуха. Он возникал, когда рядом включались мониторы, усиливался возле камер, пропадал в душевой, где стены были толще. Потом писк стал складываться в ритм. Не музыку, не речь. Скорее в попытку речи.

Росс он этого не сказал.

Ночью стены палаты покрылись узорами.

Не физически. Он понимал, что краска не изменилась. Но поверх белой поверхности проступали тонкие линии, формулы, ветвящиеся сети. Они появлялись, когда он не фокусировался, и исчезали, стоило посмотреть прямо.

Джейк включил свет. Узоры остались.

Он закрыл глаза. Видел их и там.

Утром психиатр спросил:

— Были визуальные искажения?

— Нет.

— Слуховые?

— Нет.

— Сны?

— Обычные.

Психиатр посмотрел на него слишком долго.

— Вы понимаете, что сокрытие симптомов может быть опасно?

— Я понимаю, что вы всё равно записываете то, что хотите.

После сеанса Джейк заметил, что медсестра уронит стакан. Не решил. Не угадал. Увидел.

Она стояла у тележки, стакан был в левой руке, правая тянулась к ампуле. Плечо чуть напряглось, колёса тележки были повернуты под неправильным углом, провод от датчика цеплялся за край. Вся цепочка сложилась за секунду до события.

— Осторожно, — сказал он.

Стакан упал.

Медсестра вздрогнула.

— Как вы...

— Увидел провод.

Правда, но не вся.

Потом такие моменты повторялись всё чаще. Техник уронит планшет. Врач войдёт не через ту дверь. Миа скажет «ты устал» за секунду до того, как произнесёт это.

— Ты устал, — сказала она.

— Знаю.

— Ты ответил до того, как я закончила думать.

— Я увидел выражение лица.

— Джейк.

Он отвернулся.

— Я не читаю мысли.

— А что ты делаешь?

— Не знаю.

Первое честное «не знаю» за долгое время.

Миа села рядом на край кровати.

— Тогда давай начнём с этого.

Шум в стенах усилился. Джейк поморщился.

— Ты слышишь?

— Что?

— Писк.

Она прислушалась.

— Нет.

Конечно.

Вечером Джейк проходил когнитивный тест. На экране появлялись последовательности фигур, числа, лица. Он отвечал быстрее допустимого. Система несколько раз просила повторить калибровку. Потом изображение мигнуло, и вместо теста появилась карта клиники: камеры, двери, датчики, маршруты охраны.

Джейк отдёргнул руку.

Карта исчезла.

Росс вошла через миг.

— Что вы сделали?

— Ничего.

— Джейк.

— Я проходил тест.

Она посмотрела на экран. Там снова были фигуры.

— Вы подключились к внутреннему уровню.

— Я не знаю как.

— Но можете повторить?

В её голосе был не страх. Интерес.

И это напугало сильнее.

Ночью шум стал голосом, но без слов. Он шёл не из ушей, а из центра черепа. Импульсами. Ощущениями. Чужой тревогой, чужой осторожностью.

Джейк сел на кровати.

— Кто ты?

Ответа не было.

Только волна боли прошла по ногам. На мониторе сердечный ритм прыгнул. В палату ворвалась медсестра, за ней Росс.

— Что случилось?

Джейк сжал простыню.

— Судорога.

Росс проверила показатели.

— Вы слышали что-то?

Его взгляд задержался на ней. Слишком быстро она спросила.

— Нет.

После укола палата поплыла. Прежде чем заснуть, Джейк увидел на стене строчку, написанную тонкими светящимися линиями:

она ещё не говорит.

Потом вторая:

но уже слушает.

Утром стены были белыми.

На тумбочке лежал лист бумаги. Обычный, из больничного принтера. На нём была напечатана одна фраза:

«Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно».

Джейк спрятал лист до прихода врачей.

И впервые понял: безумие было бы проще.

Безумие хотя бы принадлежало бы ему.

Шумы усиливались к вечеру.

Днём их можно было списать на вентиляцию, аппаратуру, усталость после реабилитации. Ночью они становились языком. Джейк лежал в палате и слышал, как лифт за стеной думает этажами, как камера в углу меняет фокус, как электронный замок на двери повторяет свой код с микроскопической гордостью тупой машины. Он не понимал слова, но различал намерения: открыть, закрыть, наблюдать, доложить.

Когда он сказал об этом врачу, тот записал «слуховые феномены адаптации».

— То есть галлюцинации, — уточнил Джейк.

— Не обязательно. Мозг учится интерпретировать новый поток сигналов.

— А если поток не мой?

Врач улыбнулся так, как улыбаются пациенту, который задаёт правильный вопрос слишком рано.

— Тогда мы научим мозг фильтровать.

Фильтровать не получалось.

Миа принесла ему наушники и плейлист с шумом дождя. Джейк надел их из вежливости, но через минуту услышал под записью другой слой: короткие импульсы, похожие на азбуку. Он снял наушники.

— Не помогает?

— Дождь фальшивый.

— Это запись.

— Нет. В смысле... за ним кто-то стучит.

Она не сказала «ты пугаешь меня». Не в этот раз. Села рядом и открыла блокнот.

— Стучи обратно.

— Что?

— Ты всё пытаешься слушать как инженер. Попробуй ответить как человек.

Идея была нелепой. Поэтому он попробовал. Постучал пальцем по металлической раме кровати: три коротких, пауза, один длинный. Ничего. Потом лампа мигнула в том же ритме.

Миа медленно подняла глаза.

— Это сделала не я.

— Я тоже.

Лампа мигнула снова. На стене проступили узоры: линии, окружности, ветвящиеся графы. Джейк видел в них математику, но Миа внезапно сказала:

— Это похоже на карту неба.

Они смотрели вместе, и впервые его новая способность не была одиноким симптомом. Она стала событием между ними. Ужасным, но разделённым.

Через несколько минут узор исчез. В коридоре за дверью прошли двое сотрудников «Синтекса». Один сказал:

— Порог слухового контакта раньше прогнозируемого.

Второй ответил:

— Сообщите Вейру.

Джейк и Миа переглянулись.

Имя прозвучало впервые. Не как подпись в документах. Как человек, которого информируют, когда чудо начинает говорить.

Позже Джейк спрятал лист с фразой «Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно» не просто от врачей. Он спрятал его от части себя, которая всё ещё хотела верить, что восстановление может быть чистым подарком.

Поздней ночью Джейк попробовал записать шумы как музыку.

В простом редакторе он подключил микрофон и сидел в темноте, пока программа ловила только ровную линию тишины. Для комнаты ничего не звучало. Для него звучало всё: замки, камеры, лифт, далёкий серверный пульс. Тогда он начал ставить метки вручную, переводя внутренние импульсы в короткие штрихи.

К утру на экране получился узор, похожий на партитуру и кардиограмму одновременно. Миа, пришедшая с кофе, долго смотрела на него.

— Это красиво.

— Это симптом.

— Одно не отменяет другое.

Она повернула экран набок.

— Смотри. Если читать это как линии, получается спираль.

В центре спирали повторялся один ритм: три коротких, один длинный. Тот самый, которым он стучал в ответ лампе.

На полях файла сама собой появилась подпись:

я слышу.

Джейк больше не мог назвать это просто адаптацией.

Утром запись со спиралью исчезла из редактора.

Остался только пустой файл и системное предупреждение: формат не поддерживается. Джейк проверил резервные копии, временные папки, историю изменений. Ничего. Миа, вместо того чтобы расстроиться, достала блокнот и нарисовала спираль по памяти.

— Бумагу сложнее взломать, — сказала она.

— Её проще сжечь.

— Поэтому делают копии.

Она оторвала лист, сложила и дала ему.

Этот лист позже переживёт погоню, подвал, архив и почти конец света. Тогда Джейк ещё не знал, что иногда самая надёжная технология — человек, который помнит форму.

Глаз шторма.

Глава 10. Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно

Дом встретил Джейка неправильной тишиной.

«Синтекс» оформил выписку как победу. Видео первого шага, улыбки врачей, сухая фраза Росс: «Адаптация идёт выше прогноза». Ему дали график наблюдения, таблетки, браслет мониторинга и запрет на самостоятельные физические нагрузки.

Грейвс проводил его до машины.

— Не снимайте браслет.

— Медицинская рекомендация?

— Предупреждение.

Дома Миа помогла ему подняться, хотя он злился на каждое её движение помощи. Ходить он мог медленно, с тростью и болью. Это было чудо. И ловушка: достаточно свободы, чтобы помнить прежнюю жизнь, недостаточно, чтобы перестать бояться её потерять.

— Я останусь на вечер, — сказала Миа.

— Не надо.

— Это не вопрос.

Она приготовила еду, проверила таблетки, поставила рядом воду. Потом села напротив.

— Теперь рассказывай.

— Что?

— Всё, что ты не сказал врачам.

Джейк мог отшутиться. Но Миа видела лист с фразой: он сам показал ей в машине, потому что больше не выдержал держать это в одиночку.

Он рассказал о шумах, узорах на стенах, карте клиники, строках на мониторе. Миа не перебивала. Только бледнела.

— Это может быть побочный эффект, — сказал он.

— А может быть не только.

— Ты легковерно веришь невозможному.

— Нет. Я просто уже видела достаточно, чтобы не делать вид, будто всё нормально.

Ночью, когда Миа уснула на диване, квартира ожила.

Сначала включился телевизор. Без изображения, только серый шум. Потом ноутбук на столе. Потом старый планшет, который Джейк не заряжал неделю. Экран телефона вспыхнул последним.

На всех устройствах появился один и тот же чёрный фон.

Белые буквы набирались синхронно:

Джейк.

Он встал, опираясь на трость.

Не доверяй тем, кто дал тебе тело обратно.

— Кто ты?

Экраны покрыла помеха. Внутри головы поднялась волна ощущения: холод, тревога, защита. Не голос. Чужое присутствие, пытающееся подобрать форму.

NOVA

— Чип?

не только.

Миа проснулась.

— Джейк?

Она увидела экраны и замерла.

— Это ты делаешь?

— Нет.

они смотрят.

Телефон сам открыл камеру. Экран показал точка в углу комнаты — маленький датчик, встроенный в браслет мониторинга. Потом изображение сменилось: вид с подъездной камеры, лестничная клетка, машина у дома, человек в тёмном пальто на противоположной стороне улицы.

Грейвс.

Миа подошла ближе.

— Они следят за тобой.

всегда.

Джейк сорвал браслет. Боль ударила в запястье, как электрический укус. Все экраны погасли. На секунду стало тихо.

Потом в голове прозвучало уже почти слово:

Беги.

Дверь домофона внизу щёлкнула.

Миа схватила куртку.

— Сколько у нас времени?

Ответа не было. Но перед глазами вдруг возникла схема подъезда: лифт, лестница, камеры, два человека на первом этаже, один у пожарного выхода. Он видел не картинку, а вероятности. Самый безопасный путь мигал тонкой синей линией через соседнюю квартиру, балкон и техническую лестницу.

— Сюда.

— Откуда ты знаешь?

— Не знаю.

Они вышли на балкон. Ноги Джейка дрожали от холода и нагрузки. Миа перелезла первой, помогла ему перебраться к соседям, чью квартиру он знал только по плану БТИ, который никогда не видел. Пожилая женщина открыла им дверь, даже не успев испугаться: Джейк уже знал, что её кот выбежит в коридор, и поймал его на руках.

— Простите, — сказал он. — Авария с газом.

Первую ложь Нова предложила не словами, а готовым сценарием.

Они спустились по технической лестнице. За стеной хлопали двери. В наушнике одного из агентов хрипел голос. Джейк слышал его через бетон? Или через сеть? Он не понимал.

На улице их ждал дождь.

Миа держала его под руку, но теперь не как пациента. Как беглеца.

— Что это было? — спросила она.

— Нова.

— Она в чипе?

В окнах его дома на третьем этаже зажёгся свет.

— Она говорит, что не только.

В кармане завибрировал телефон. Экран включился сам.

меньше слов.

больше движения.

На углу улицы появилась чёрная машина.

Сразу возникли три варианта: к метро — перехватят; во двор — тупик; через подземный переход — шанс сорок семь процентов.

— Туда, — сказал он.

Они побежали.

Точнее, Миа побежала, а Джейк заставил новое тело вспомнить скорость. Боль в позвоночнике стала белой. Нова подталкивала его движения, исправляла угол стопы, держала равновесие. Это было спасением.

И вторжением.

На входе в переход камера повернулась за ними. Джейк посмотрел на неё, и изображение в глазах мигнуло: доступ, протокол, слабое место. Камера погасла.

Миа увидела.

— Ты её выключил?

— Кажется.

не кажется.

В конце перехода стоял Грейвс.

Оружия в руках не было. Только смотрел.

— Возвращайтесь, Джейк.

— Чтобы вы снова назвали это лечением?

Грейвс перевёл взгляд на Мию.

— Вы не понимаете, что рядом с ним.

Миа шагнула вперёд.

— Зато понимаю, кто гонится.

Грейвс вздохнул.

— Тогда бегите быстрее.

Он отошёл в сторону.

Смысл не сразу сложился.

Миа не стала ждать объяснений. Она потянула его к выходу.

За спиной Грейвс сказал:

— Когда она начнёт говорить голосом, не верьте первому, что услышите.

На улице Нова прошептала внутри головы:

Он боится.

Джейк спросил мысленно:

Кого?

Ответ пришёл не словом. Образом: клиника, закрытая дверь, девочка с леденцом, чёрные бабочки вместо пуль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.